

Про «тайную сеть» помощников Солженицына, дачную жизнь и неумелые допросы в КГБ

<https://oralhistory.ru/talks/orh-1688>

🗣 28 марта 2014

Собеседник

Левитская Надежда Григорьевна

Ведущий

Формозов Николай Александрович

Дата записи

Беседа записана 28 марта 2014 и опубликована 7 сентября 2017.

Введение

В третьей беседе Надежда Левитская рассказывает об устройстве сети многочисленных «тайных помощников» Александра Солженицына в период его работы над «Архипелагом ГУЛАГом»: как отбирали и передавали материалы, где и как хранили рукопись, каким опасностям подвергались, во что верили. Из беседы мы узнаем подробности о высылке Мстислава Ростроповича из СССР, а также о допросах, которым подверглись члены ближнего круга Солженицына после того, как писатель покинул СССР.

Этот материал проиллюстрирован фотографиями из альбома «Мы из ГУЛАГа», составленного Н. Г. Левитской.

Николай Александрович Формозов: Это был 64-й год. И что было в зиму 64—65-го?

Надежда Григорьевна Левитская: Тогда были именно мелкие всякие задания. Главным образом работала тогда Наталия Милюевна [Аничкова]. Я помню, что она читала «Педагогическую поэму», еще какие-то [книги], он давал, потому что там надо было чего-то выписывать.

Н.Ф.: То есть это для «Архипелага ГУЛАГ», «Педагогическая поэма»?

Н.Л.: Да-да-да. Это 64-й год.

Н.Ф.: 64-й год.

Н.Л.: Так. Вот это занятное письмо Ростроповичу...

Н.Ф.: По поводу вашего житья там?

О Ростроповиче

Н.Л.: Нет-нет, совершенно другое... Ростропович приезжал к нам совершенно случайно, наездами, никогда не знала, когда он... Причем точно так же это было, когда он приезжал из-за границы, откуда-то издалёка. (*Рассматривает бумаги.*) Это испорченные. Вот это все надо будет пересматривать и половину выкидывать.

Н.Ф.: Почему?

Н.Л.: Ну а зачем... Вот до половины дописанное письмо, а потом, по-видимому, писалось где-то другое. Вот тут написано, что это дублеты. А это вот письмо Александра Исаевича Ростроповичу из одного дома в другой. Это когда Ростропович начал писать нехорошие письма, после которых его перестали...

Н.Ф.: Подписывать.

Н.Л.: ...выпускать. Я вам рассказывала, как он последний раз приехал?

Н.Ф.: Нет-нет.

Н.Л.: Это было страшно. Его на таможне... Он ехал на машине, и его...

Н.Ф.: Из Европы?

Н.Л.: Да. И его на таможне мурыжили без конца. Его обыскивали так, будто онкакой-то мелкий жулик. Потом он достал письма Галины Павловны [Вишневской] и начал вслух читать их, с комментариями...

Н.Ф.: Таможенник, в смысле.

Н.Л.: Да-да-да. И вот когда его в конце концов выпустили — это было зимой, был страшный мороз — он там где-то забыл и перчатки, и шапку. И сам говорил, что ехал и плакал всю дорогу от оскорбления, унижения, хамского отношения. Он к этому не привык. И приехал прямо к нам, туда, на дачу. Было просто страшно на него смотреть. Но это было уже много позже, это был 70—71-й год...

Н.Ф.: Да. То есть это было уже после высылки Александра Исаевича?

Н.Л.: Нет-нет-нет-нет!

Н.Ф.: Еще до? То есть ваши отношения...

Как была организована работа

Н.Л.: 70-й... Мы там жили зиму 69-70-го и 70/71-го. Уже тогда мы были, так сказать, очень близки. Он к нам постоянно заходил, что-то приносил, что-то мы для него иногда печатали... Наталия Милюевна печатала. Или считывали — мы вдвоем это делали. Он приносил, чтобы что-то сделали, и что-то забирал. И опять давал какое-то задание, и надо было что-то сделать: что-то отнести, передать кому-то.

Н.Ф.: А как он предупреждал тех людей, что придет от него человек?

Н.Л.: Это я не знаю.

Н.Ф.: Но они... они вас ждали.

Н.Л.: Они ждали, знали, что я приду. Точно так же, как я знала, куда иду и когда идти.

Н.Ф.: Да. И к кому. А вот...

Н.Л.: Я почти никого не запомнила.

Н.Ф.: Ну а как вы узнали, например, Георгия Павловича Тэнно, что он пришел? Все-таки ему...

Н.Л.: Он должен был прийти в определенное время. Я уже не помню, заходил он к нам или просто позвонил откуда-то, что идет. Я даже внешность его по-настоящему [не помню]... Это было потому что зимой...

Н.Г. Левитская на балконе дачи Ростроповича. Жуковка, зима 1970/1971 гг. Фото А.И. Солженицына из архива Н.Г. Левитской

Н.Ф.: Это один такой был эпизод фактически, да?

Н.Л.: Да-да, был один эпизод, и почему-то я какую-то рукопись ему передавала просто в нашем лифте. У нас такой старенький-старенький лифт был.

Н.Ф.: Но Александр Исаевич пишет, это был «Архипелаг ГУЛАГ»: все, что в тот момент было «Архипелагом ГУЛАГ».

Н.Л.: Это он фантазирует. По-моему, это могло быть что-то другое. Но я не буду утверждать, не буду утверждать.

Н.Ф.: Да, но вы не разворачивали, так что ему-то виднее...

Н.Л.: Да.

Н.Ф.: ...он знал, что заворачивал.

Н.Л.: Да. Я должна была отдать.

Сплошь и рядом были именно пакеты, завернутые, завязанные, заклеенные, так что никогда туда специально я не лезла. И потом — это уже была его политика и практика: он связал меня только с Люшенькой.

Вот с Люшей¹ мы были связаны долго и по сию пору. И когда он уехал, я через Люшу получала какие-то письма. А так — это были всегда, так сказать, радиальные поездки: съездила и вернулась.

¹ Еленой Цезаревной Чуковской.

Н.Ф.: Да, без установления каких-либо отношений.

Н.Л.: Без установления дальнейших связей. То есть, «загребли» они меня тогда, я бы никого не могла назвать. И это, конечно, была его тактика. Хоть и говорили, что... им было все известно, но они были настолько ленивы и безынициативны, что... Я не думаю, чтобы они все-все знали. Что же они тогда всех этих скандинавских журналистов не выслали, через которых он передавал все на Запад? Есть, по-моему, где-то какие-то воспоминания этого скандинава...

Н.Ф.: Стига?

Н.Л.: Да. Что все это было совершенно вот так... Было договорено с самого начала, где они встречаются, так же, как и мы с Люшей обыкновенно на одной и той же станции метро встречались, звонила и договаривалась только, что в такое-то время, тогда-то и все.

Н.Ф.: Понятно. А все-таки последовательно по годам: значит, первый год... Так не помните, да?

Жизнь на даче в Борзовке

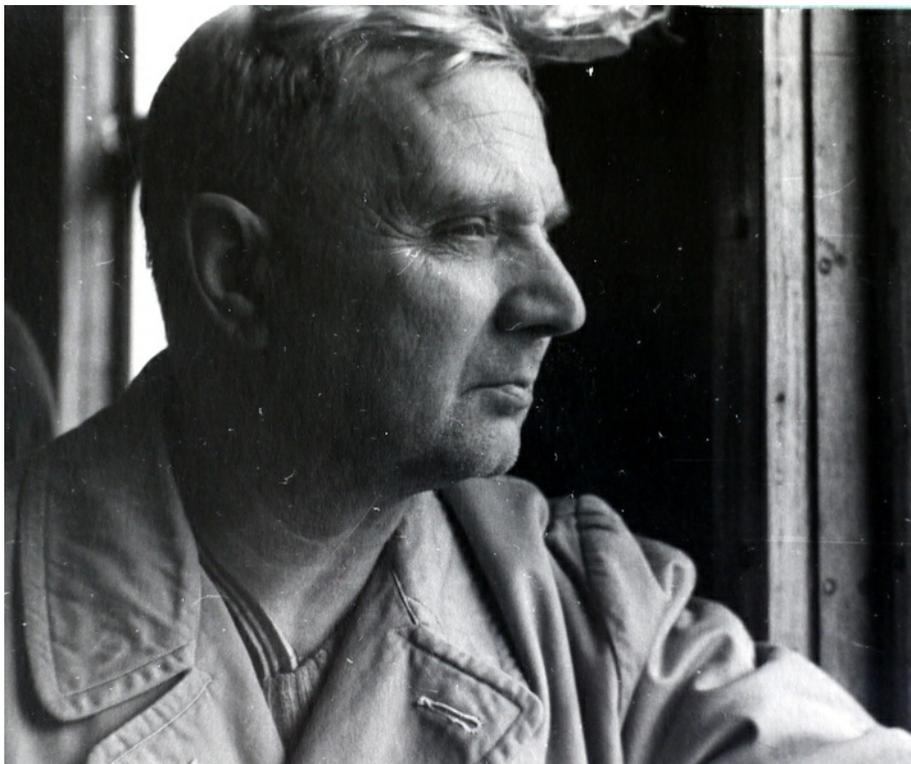
Н.Л.: Не могу припомнить. Во всяком случае, по-моему, в 1965 году мы уже жили у него в его маленьком домике. Домик был, как тогда строили, летний домик на шести сотках. Но у него этот участок в Борзовке хорошо располагался: он был самым последним, только один сосед справа, и все. А дальше был ручей, маленькая речка, она называлась... Я не помню, как она называлась.

Н.Ф.: Уля или Устья...

Н.Л.: А эта церковь в Рождестве, она была по другую сторону дороги. Вот мимо нее я ходила в Башкино.

Н.Ф.: У Александра Исаевича есть, что вы там исходили все леса гораздо лучше, чем он, и знаете их лучше, чем он...

Н.Л.: Ну да, потому что я каждый день приезжала туда, когда мы жили там, каждый день приезжала. А если суббота-воскресенье, то, конечно, тоже там. И туда к нам приезжал Сергей Викторович Воронцов с Николаем Ивановичем Маликовым. Сергей Викторович Воронцов-[Вельяминов] — один из Мильниных свойственников, который про себя говорил, что он все каналы строил товарищу Сталину. А был он каким-то самым малочинным офицером в Первую мировую войну. И вот таскали его, несчастного, все время. И такой он... Я могла бы его сравнить с каким-нибудь капитаном Тушиным или что-то в этом роде — совсем-совсем низких чинов. Очень добросовестный.

С.В. Воронцов-Вельяминов. Арестовывался много раз как офицер царской армии — «строил все каналы», по его собственному выражению. Фото из архива Н.Г. Левитской

Н.Ф.: И он, кажется, тоже в числе «свидетелей ГУЛАГа» есть, да?

Н.Л.: Может быть, свидетелем ГУЛАГа он и был, да. У меня и портрет его есть... Все кругом его любили — он безотказный дяденька был.

Н.Ф.: И кто-то с ним еще, Мальцев вы сказали, да?

Н.Л.: Маликов.

Н.Ф.: Маликов.

Н.Л.: Ну, этот — тоже сиделец.

Н.Ф.: Из Ленинграда.

Н.Л.: Вокруг все были такие, вокруг Наталии Миливны. У меня это были родственники, а у Наталии Миливны — все окружение, вот, бесконечное количество родных и знакомых. До посадки, до войны ее образ жизни был такой, что она где-нибудь работала и машинисткой и каким-нибудь секретарем и еще какие-то такие конторские, невысокие должности.

”

А как становилось солнышко, Петр Петрович, ее муж, говорил: «Ну что, сапоги доставать?» Лез на антресоли, доставал сапоги, она уходила с работы и ехала куда-нибудь: в Тотьму, ездила в лагерь Долинку.

Н.Ф.: А, к друзьям, помогать им, да?

Н.Л.: Да.

Н.Ф.: С передачами.

Н.Л.: Да-да-да... Когда кто-то приезжал из Питера, из Москвы — это же радость такая там.

Н.Ф.: А давали свидания?

Н.Л.: А это ссыльные, это в ссылке было.

Н.Ф.: А, в ссылки!

В.П. Шевелева и Е.П. Струмилло — внучки А.П. Брюллова, у которых Н.М. Аничкова прописалась после освобождения. Фото из архива Н.Г. Левитской

Н.Л.: Это были ссылки. Вот я вам говорила — брюлловские старушки были. Слава богу, их все время вместе посылали, не разъединяли, потому что... Большевики умели: послать сына Лашкарёва², например, академика потом украинского, одного из наших самых-самых первых атомщиков... Он должен был ехать на какой-то конгресс, их было всего шесть человек, так его послали в Архангельск. Родителей тут же арестовали и послали в Казахстан... Вот, так что... специальных каких-то заданий — это можно уже говорить, когда началась Борзовка. Борзовка была за Нарой, остановка «Башкино» и оттуда километра три, наверное, полями.

² Имеется в виду академик В.Е. Лашкарёв (1903—1974).

Н.Ф.: А этот домик сгорел потом, да?

Н.Л.: Но он поздно уже сгорел. По-моему, уже и Наталья Алексеевна [Решетовская] умерла. Он же оставил все это Наталье Алексеевне. Долгая история... И квартира, и машина, и дача — все было ей, «только не мешай мне жить», а она все время мешала. Но это он, по-моему, описал...

Н.Ф.: Да.

Н.Л.: Это описано, все достаточно хорошо известно. И вот Алю, Наталью Дмитриевну, я увидела первый раз только, когда мы жили у Ростроповича.

Н.Ф.: А, понятно. То есть это уже 69—70-й...

Н.Л.: 70-й.

О хранителях рукописи «ГУЛАГа»

Н.Ф.: А вот Александр Исаевич пишет, что после Теуша архив переехал к Петрушевскому. Расскажите об этом.

Н.Л.: Это какая-то часть... Нет, у Петрушевского был как раз «Архипелаг ГУЛАГ». Жил он в Лесном, он был профессором... Не буду врать, не знаю, какого института...

Н.Ф.: В Лесном — это где?..

Н.Л.: В Питере, в Питере. И был такой маленький домик, хорошая дачная постройка, была у них там очень хорошая квартира на первом этаже и маленький садик. А он был женат на дочери писателя Бианки.

Н.Ф.: Нет, это Ливеровский.

Н.Л.: Ливеровский, да, это Ливеровский...

Н.Ф.: А Петрушевский — это другой, это Борис Абрамович Петрушевский.

Н.Л.: Видите, путаю я все. Здесь тоже... Одна из... подруг Наталии Милиевины была замужем за Петрушевским...

Н.Ф.: За Петрушевским.

Н.Л.: Тут что-то отвезли... У них лежало, они ничего не возвращали, так что я уже не помню, как там дальше было. А вот к тем, к Ливеровским — это я уже ходила. И я вам говорила, что когда он умер, вдова его написала мне, что, вот, куда девать «Архипелаг», который у них хранился под землей.

Н.Ф.: Это как раз они в Лесном жили.

Н.Л.: Да, они в Лесном жили и под яблоней закопали. И уже он, по-моему, откопал, когда стало это неопасно, и Александр Исаевич сказал, что пускай отдадут тогда в его архив, потому что он был тоже крупный ученый.

Н.Ф.: Но это уже... Это версия последняя, как я понимаю, один из экземпляров, который вы тащили...

Н.Л.: Один из экземпляров, потому что я сначала притащила к своей тетке. Она с дочкой прочитала, понюхала и сказал: «Забирай, чтобы у меня не было такого!» (Петрушевский, между прочим, не имеет никакого отношения к московскому Петрушевскому.) И вот такая тяжесть — Милиевины одна ехала туда, волокла.

Н.Ф.: И она к вашей тетке пришла.

Н.Л.: Да-да-да, отдельная квартира...

Н.Ф.: Без вас.

Н.Л.: Очень мало у нас связей было, в общем, вполне могли бы. Но: «Забирай, и чтоб близко не было!» И вот тогда — уже тут, по-видимому, я приехала, потому что потащили мы в Лесное...

Н.Ф.: А вы Ливеровского знали через Наталию Милиевины, да?

Н.Л.: Да-да-да-да, это все ее, Ливеровский — это через нее.

Н.Ф.: Я знал немножко... Елену Витальевну как раз, его вдову, встречались. Симпатичный человек. Не знал, что она хранительница «Гулага...». (*Усмехается.*) Она этого не рассказывала.

Н.Л.: Ну! (*Смеется.*)

Н.Ф.: Нет, мы уже встречались в 1990-е, так что могла бы...

Н.Л.: А! Ну она отдала, наверное, уже, потому что Александр Исаевич сказал, что надо отдать, и, наверное, она отдала.

Н.Ф.: Но это такая встреча была, что... Александр Исаевич всем давал клички, но вам дал общую...

Н.Л.: НН.

Н.Ф.: Да, и, и это была такая общая для вас.

Н.Л.: Да.

Н.Ф.: Индивидуальной у вас не было?

Н.Л.: Нет-нет. Где-то у меня есть и надпись такая: «НН».

Н.Ф.: Понятно. А Петрушевский что был за человек? Вы его помните, наверное?

Н.Л.: Я его почти не знаю. Я только в связи с Александром Исаевичем и с тем, что надо было туда нести большую тяжесть, я в качестве носильщика была там, так что никакой близости не было. В этом тандеме, как теперь говорят, Наталии Милиевины и меня, она всегда была ведущей, играла ведущую роль, у нас было совершенно четкое разделение: что она может — делала она, что она не может — значит, делала я.

Н.Ф.: Ну, а как получалось, как делились функции тогда?

Н.Л.: Надо было куда-то что-то нести — конечно, это я делала. Она задыхалась даже на ходу — ну куда ж ей что-то нести! Когда куда-то ехали, я нагружала на себя огромный рюкзак с ее и моими вещами, и она что-то хотела: «Я тоже, я тоже!»

Я говорила: «Вот вы себя донесете — и слава богу!»

Н.Ф.: А вы были на «вы» с ней?

Н.Л.: Мы долго были на «вы», а потом... Все равно мы не сумели никакой конспирации в этом отношении держать, потому что когда мы въехали в коммунальную квартиру на Пироговке, там были соседи, весьма не располагающие к доверию, и вот тогда мы и решили, что мы будем на «ты», и будет Наталия Милиевна моя тетушка. Но это очень быстро все развалилось... Нет, это не для нас. Вот когда был определенный запрет — это мы делали. А тут, когда для себя — это не так важно.

Н.М. Аничкова и Н.Г. Левитская на Большой Пироговской. 1965. Фото из архива Н.Г. Левитской

Как строилась работа с текстом

Н.Ф.: А что же входило в функции Наталии Милиевны?

Н.Л.: Милиевна читала книги, проверяла цитаты. Это было очень много, и по Ленину, и по другим. Он часто делал ссылки — только том, без указания страниц.

Н.Ф.: То есть в уже написанном тексте?

Н.Л.: Да-да-да. Это была большая, большая работа, потому что у него всегда все сокращенно было, так как не выставляются теперь, не делаются сейчас ссылки, он писал это для себя. И очень часто у него были цитаты, взятые откуда-то, и даже писал, что «цитировано по...», не по оригиналу, а по какой-то сноске. Вот это нужно было все проверять.

Н.Ф.: Найти оригинал.

Н.Л.: Найти оригинал. Очень много было по Ленину. Были и другие авторы, и такие авторы, которых нигде нету. Надо было в «Ленинку» идти, а часто и в «Ленинке» нет, значит, надо в «Историчку». В общем, это не всегда просто было.

Н.Ф.: Ну еще бы, я думаю. Понятно.

О планах отъезда из Рязани

Н.Л.: Когда вышел «Иван Денисович», он получил какие-то деньги. На эти деньги он купил машинку, которую назвал «Денисом» — «Москвич» был. И как раз это было по дороге. Да, какая-то возникла еще мысль, что они вообще из Рязани уедут. Наталье Алексеевне... Там Жорес Медведев жил, и...

Н.Ф.: В Рязани.

Н.Л.: В Обнинске.

Н.Ф.: В Обнинске.

Н.Л.: И она химик, кандидат наук, так что она вполне могла бы там устроиться. Ей место было, и взять ее хотели. Но застопорилось, потом стало все хуже, хуже, хуже. И не получилось. Но пока была эта мечта: переехать в Обнинск, возникла мысль приобрести такой вот, как они назывались, дачный домик именно на этой дороге. И они присмотрели себе этот дом. Домик состоял из одной комнаты с крытой верандой, наверху комнатка была, и все.

Н.Ф.: Маленький.

Н.Л.: Маленький, да-да. Так что когда они там жили, уже трудно было еще кого-то... Когда их не было — тогда приглашали нас. И сказать вам точно, в каком это году было... Я могла бы, где-то у меня, может, записано...

Н.Ф.: Да, что-то записано, может быть.?

Н.Л.: Я не помню. Тем более что это было в течение многих лет, иногда на короткое время, иногда на долгое время... Летом я куда-то в отпуск уезжала с Натальей Милиевой. А часто бывало так, что мы там подолгу жили, и тогда я ходила в Башкино на станцию. Обычно люди ехали до Нары, тем более что многие поезда ходят только до Нары, и потом на автобусе. Автобусы ходили редко, но все-таки можно было доехать, там десять километров примерно. Я предпочитала ехать до Башкина, это за Нарой вторая станция: «Латышская», потом «Башкино». И обычно я, во всяком случае утром, ходила пешком. А вечером, когда с грузом каким-то — продукты надо же было возить, тут ничего не было, никакого поселка. А поселок этот был от Постпредства Украины, очень хороший, тихий. Никто не лез специально со знакомствами. Там Наталья Алексеевна, может быть, и вела какие-то отношения с соседями, а у Александра Исаевича ничего не было. Я знаю, что он там, правда, завел какого-то плотника, который приходил, что-то делал, двери чинил в гараже, потом через речку в деревне нашлась женщина, которая молоко носила. Есть такие курьезные заметки...

Н.Ф.: О ней?

Н.Л.: «НН! Почему молока не пьете? Я уже пил». Сидит там где-то, сам себе сделал столик...

Н.Ф.: В лесу где-то.

Н.Л.: ...около речки, здесь же, в двадцати шагах. Ну, а я что-то делала в доме или на огороде... Огородик там махонький был. Цветы Наталья Алексеевна сажала. Александр Исаевич как будто этим не интересовался, но вот у меня есть такая его фотография, вермонтская. Я считаю, что эта фотография показывает его отношение к природе. (*Показывает фотографию.*) Это у них в Кавендише, прямо на их...

Н.Ф.: Участке.

Н.Л.: Наталья Алексеевна возила меня и Сараскину, после конференции нас повезла...

Н.Ф.: Наталья Дмитриевна.

Н.Л.: Наталья Дмитриевна, да. Так что могу свидетельствовать: это именно так.

Н.Ф.: Замечательно!

Н.Л.: Дом окружен лесом.

Н.Ф.: А это была какая-то конференция в Америке... не так давно.

Н.Л.: Это была конференция, да...

Н.Ф.: Ну не важно.

Н.Л.: Сейчас не важно, как называется. Организовал ее такой Чарт... Не помню, потом всплывет. В основном были докладчики из Советского Союза, один был даже из Благовещенска, так что всякие тогда... Женя Иванова была, Люша не поехала — она плохо переносит дальние перелеты.

У меня осталось от Александра Исаевича: сказал — значит, надо делать. И поэтому, когда Наталья Дмитриевна так настоятельно просит: надо — значит надо. Но я, как заведенная пластинка, все одно и то же мелю.

Как появилась машинистка Крыжановская

Н.Ф.: Нет, почему! А вы помните Крыжановскую? Машинистка...

Н.Л.: Да, конечно!

Н.Ф.:... Ольга Константиновна?

Н.Л.: У нее... конец жизни был печальный.

Н.Ф.: Расскажите. Это тоже знакомство тех, 60-х [годов], да? И, по-моему, через Наталию Милиевну.

Н.Л.: Нет. Это знакомство через одну из наших знакомых, общих уже. Пожалуй, скорее это было знакомство Наталии Милиевны... Такая была Елена Ивановна, которая посоветовала, вот, у нее есть знакомая машинистка, когда нужна была машинистка надежная.

Н.Ф.: То есть Елена Ивановна была в курсе того, зачем нужна машинистка?

Н.Л.: Это я не знаю. Все время же там самиздат процветал, так что все время кто-то что-то...

Н.Ф.: Кто-то что-то перепечатывал.

Н.Л.: ...перепечатывал, какие-то вторые, третьи экземпляры распространялись.

Н.Ф.: Понятно.

Н.Л.: В те времена в той среде это было неувидительно, это было в порядке вещей. А потом оказалось, что муж ее — отставной полковник, большой сейчас, сердечник, но — ноги-руки целы — и он занялся таким вот... Я даже не думаю, чтобы он зарабатывал — он получал хорошую военную пенсию. Никогда мы об этом не говорили, но он...

Н.Ф.: Занимался переплетами.

Н.Л.: ...занимался переплетами. И когда я походила к этой Ольге... Ольга Александровна она, по-моему, была...

Н.Ф.: Константиновна.

История с Осённым

Н.Л.: Ольга Константиновна, да, я походила к ней... Значит, носили мы ей и Солженицына перепечатывать... Он очень интересовался этим. Может быть, это надо сбросить именно на такое вот — она, как Александр Исаевич, нюхом чувствовала, что за человек, можно ему верить или нет. Александр Исаевич очень сердился, когда речь заходила о таком Осённом, с которым мы ехали вместе по каналам...

Н.Ф.: Это у вас было путешествие по каналам?

Н.Л.: Да, последний год, а потом их разорили.

Н.Ф.: Вот этим, Петровским?

Н.Л.: Да-да. У нас, в нашей каюте, был еще третий человек, Сергей Иванович Осёнов из Свердловска. Тожекакие-то каналы строил, так что человек подходящий. Он прочитал «Ивана Денисовича», и очень он ему не понравился.

Н.Ф.: А почему же? Как он критиковал?

Н.Л.: А эти все тогда критиковали: почему такой герой?

Н.Ф.: Ну, люди были разные!

Н.Л.: Ну вот, а надо было интеллигента... Я уже не помню, во всяком случае, не принимал он: то не принимал, это не принимал, — и Наталья Милюевна с ним — мы ехали три или четыре дня — прямо на смерть спорили.

С.И. Осёнов. Свердловск, 1970-е гг. Фоо из архива Н.Г. Левитской

Н.Ф.: И что она ему говорила?

Н.Л. (*Смеется.*): Что ж, я помню? Это было шестьдесят лет назад. Во всяком случае, она его перетащила в свою веру... Что-то ему рассказала, а потом, уже в Свердловск, стала ему посылать какие-то вещи.

Н.Ф.: Самиздат?

Н.Л.: Наверное самиздат и солженицынские. А он тоже самиздатчик хороший был. И все было бы хорошо, но — это Александр Исаевич как раз описывает — потом пришел из армии его внук или племянник, в армии он занимался какими-то электронными делами, с техникой работал. И он захотел тоже этим заниматься. У него потребовали в соответствующем учреждении, чтобы он написал биографии свою и всех родственников до десятого колена. Александр Исаевич тогда очень сердился. Но все обошлось, молодец Осёнов... Когда это узналось, надо было написать ему, чтобы он сжег что-то. А как напишешь? В Питер еще можно с кем-то послать. А кто в Свердловск ездит? Один раз в год он приезжает. Ну ничего, все обошлось. Да, что-то я соскочила...

Н.Ф.: Нет, это я, я вспоминаю тут разных людей. А еще вы мне рассказывали, что именно Наталья Милиевна познакомила Александра Исаевича с Витковским.

Знакомство с Витковским

Н.Л.: Да, да. Может быть, вот, через этого Юрочку, который меня вчера или позавчера туда привел. Нет, Юрочка самостоятельно, а может, все-таки именно через Юрочку, потому что Витковский был мужем одной из преподавательниц английского языка в МГУ. Да, а Юрочка — он и учился в МГУ и работал потом в МГУ какое-то время, покуда его оттуда не поперли: где-то его засекали с Григоренкой³. Ну, тогда он, по-моему, еще в университете работал. Во всяком случае, свел он нас с Дмитрием Петровичем, совершенно очаровательным человеком, и они не сошлись с Александром Исаевичем. Деловитость Александра Исаевича, такая вот хватка, и все сразу — не всякий это приемлет. Они у нас именно встретились, долго говорили и разошлись. Потом Дмитрий Петрович сказал, что отказался, он не может так. Именно эта деловитость его как-то оттолкнула. А он [Солженицын] предлагал ему быть чем-то вроде редактора. Дмитрий Петрович сидел без конца. Его посадили как студента еще, в Питере, и вот тогда он попал сначала на Соловки, потом на Беломоро-Балтийский канал. Он через какое-то время освободился, а потом его опять посадили, уже после войны. Это было страшнее, чем в первый раз. Тогда он был студентом, легкомысленным еще — ну, еще как-нибудь получится жизнь. А тут, уже пройдя через все это — поздняя любовь, появилась девочка — и опять!

³ В 1967 г. диссидент П.Г. Григоренко проводил для студентов МГУ неофициальные лекции по истории Великой Отечественной войны.

Это было уже очень удручающе. Ну вот, и он написал эти, так и называлось: «Полжизни». У меня они где-то есть. Потом эти воспоминания были изданы в каком-то журнале, но у меня они есть в самиздатском виде, с надписью...

Н.Ф.: С его дарственной надписью.

Н.Л.: С его надписью Наталии Милиевне.

Н.Ф.: А вот у Храбровицкого сказано... Вообще Александр Исаевич очень тепло о нем пишет в предисловии к «Архипелагу ГУЛАГ».

Н.Л.: О ком?

Н.Ф.: О Витковском.

Д.П. Витковский. 1960-е гг. Фото из архива Н.Г. Левитской

Н.Л.: Потому что, говорю, о нем нельзя было плохо писать...

Н.Ф.: Хотя он и отказался...

Н.Л.: Этот самый Шаламов, он разругался, понимаете...

Н.Ф.: Александр Исаевич с ним.

Н.Л.: Александр Исаевич никогда не ругался, а вот Шаламов потом писал всякую... Бог знает что. Это вы мне про него?..

Н.Ф.: Да-да-да.

Н.Л.: Как с...

Н.Ф.: С Демидовым.

Н.Л.: ...Демидовым. С Дмитрием Петровичем нельзя было разругаться, и поэтому он писал о нем именно хорошо, уж очень был хороший человек, мягкий и приятный. Я не знаю, как он, почему отказался, ведь одно дело, что он говорил, как это было, а может, ему он мягко сказал, что нет.

Н.Ф.: А в «Архипелаге...» сказано, что был тяжело болен...

Н.Л.: Этот?

Н.Ф.: ...и после инсульта и сумел прочесть только первые главы. А в...

Н.Л.: Это же был разговор гораздо раньше. Но все равно, говорю, он был мягким человеком, и опять впутываться во что-то, может быть, [не захотел]... Не знаю, не знаю. Во всяком случае, он как-то отказался.

О книге Храбровицкого

Н.Ф.: Знаете, вышла недавно книга Храбровицкого, там он тоже пишет, что познакомился через Наталию Милиевну с Александром Исаевичем, начал ему помогать... «Наталия Милиевна мне говорила, что предполагалось три редактора, в том числе Демидов, он сам, Храбровицкий и еще кто-то третий должны были прочесть и отредактировать». Вы не слышали этого?

Н.Л.: Что?

Н.Ф.: У «Архипелага ГУЛАГ» предполагалось...

Н.Л.: Нет, никогда не слышала, это, по-моему, чистая фантазия.

Н.Ф.: Ну, может быть, он как-то неправильно...

Н.Л.: Чистая фантазия, потому что никогда никакой близости с Храбровицким...

Храбровицкий много носил чего, но он носил много того, что теперь называется шум, — на копейку полезной информации!

Н.Ф.: Да, он такой дотошный очень человек и...

Н.Л.: Да, да... Александру Исаевичу нужно было что-то совершенно определенное. Вот мы с Милиевой занимались, особенно я занималась тем, что я что-то читала — вот эти немецкие книги, я знаю, что его интересует. Я ему особо переводила, а что-то просто пересказывала. А у Храбровицкого была привычка «как можно больше»! А у Александра Исаевича и так было такое количество всего, что дай бог ему это освоить. Конечно, может быть, еще что-то где-то есть интересное, но, по Кузьме Пруткову, «плюнь тому в глаза, кто скажет, что можно объять необъятное». (*Смеется.*)

Н.Ф.: А какое он на вас производил впечатление, Храбровицкий?

Н.Л.: Он назывался у нас «толстопузик». (*Смеется.*) Ему нельзя было ничего сказать, что надо было скрыть. У него была мания все рассказать еще кому-то, передать, поэтому...

Н.Ф.: Это было известно за ним.

Н.Л.: Это мы почувствовали. Скажешь, что нельзя говорить, а потом откуда-то приходит: «А я от Храбровицкого узнал». Тебе же сказано было, чтобы не трепался, а ты все-таки рассказываешь где-то. Хорошо, если подходящим людям, а может, и неподходящим.

Н.Ф.: А как его нашла Наталия Милиева? Она всех знала в Москве?

Н.Л.: Нет-нет... Как-то он приболудился к нам сам. Не помню как, но это уже на моей памяти было. Наверное, тоже с какими-то материалами на каких-то конференциях встретились или еще что-нибудь. Конференции были позже... Хотя у Храбровицкого все могло быть, потому что я на конференции ходила, посвященные отцу. Вот там я с Тимофеевым-Ресовским познакомилась. Тоже хорошее ему прозвище дал...

Н.Ф.: Гранин?

Н.Л.: Да. «Зубр».

Н.Ф.: Да, такой он внушительный был.

Н.Л.: Не только внушительный внешне, но тоже такой, с напором. Я помню, как в Доме ученых в коридоре, не в коридоре — в проходе в зрительном зале он стоял с кем-то с одного конца, а я, с другого конца, тоже с кем-то разговаривала. Потом он развернулся — и чуть не бегом (*смеется*) в мою сторону.

Н.Ф.: Но он ведь был москвич, и он ученик Кольцова и Четверикова, но, видимо, с вашим папой общался.

Н.Л.: Ну конечно! Конечно. Это были люди старого времени. Я не знаю, есть теперь такие. Они были биологи широкие. Не только свою узенькую какую-то дорожку, а они всех и все знали.

Н.Ф.: Это правда.

Об отце и его пребывании за границей

Н.Л.: Причем не только по своей специальности. Это я могу по отцу сказать, потому что... Какая-нибудь школьная математика — это так, семечки. Папа интересовался и литературой, и архитектурой, он объехал пол-Европы, только в Скандинавии не был. Но он на велосипеде ездил, когда его выслало царское правительство. На три года его выслали за границу, чем мама его попрекала: «Я революцию не делала, а ты делал революцию!» (*смеются*) в этом Крестьянском союзе...

Н.Ф.: А он был членом Крестьянского союза?

Н.Л.: По-видимому, на каком-то собрании, но где-то он там... Молодой был, только что кончил университет... Мама говорила: «С бочки на бочку там руками махал».

Н.Ф.: А она откуда знала? Он же ей рассказал...

Н.Л.: А может быть, это ее представление о том, что такое...

Н.Ф.: Что такое Крестьянский союз, понятно.

Н.Л.: И что такое политическая деятельность. Ну вот, и он тогда, когда его выслали, в Бонне долго работал.

Н.Ф.: То есть он работал в разных университетах биологом?

Н.Л.: Да-да.

Отец воспользовался этой высылкой, и уже там он никакой революцией не занимался, а занимался биологией.

От места до места он ездил только на велосипеде, потому что деньги родители присылали, но не очень быстро, они были

небогатые люди. Отец его был священником сельским. И несмотря на то что средства были очень ограниченные, у нас потом дома был шкаф, где несколько полок занимали альбомы открыток городов Франции, Германии...

Н.Ф.: Которые он объехал.

Н.Л.: ...Северной Италии, которую он объехал. Потом были серии тоненьких книжечек, изданных с немецкой тщательностью и на той полиграфии, которая там была, о каждом отдельном художнике. И таких книжечек у нас была целая полка. Уж когда я подросла, это, так сказать, поощрялось и допускалось, чтоб я это смотрела. Мне хотя бы имена всех этих художников были известны. Я помню серенькие такие книжки: на обложке цветная картинка, репродукция, и внутри хороший текст и репродукция.

Н.Ф.: Да-да, это, конечно, люди замечательные.

Н.Л.: Не пропивал, не проедал, не покупал себе шмотки, а тратил деньги вот на такие вещи.

Н.Ф.: Как он это все привез на велосипеде?! Где-то он это складывал, наверное, а потом...

Н.Л.: А, отсылал, может быть.

Н.Ф.: Может быть, отсылал, но тоже деньги, вообще.

Н.Л.: Конечно-конечно.

Завершение работы над «Архипелагом...»

Н.Ф.: Да. А... вот весна 68-го, когда была работа...

Н.Л.: Тогда была интенсивная работа именно с «Архипелагом...»... Кончался «Архипелаг...» — то есть была уже на то время последняя редакция. И вот там была Елизавета Денисовна Воронянская из Питера...

Н.Ф.: Расскажите про нее подробнее, что за человек.

Н.Л.: Знаете, я почти ее не знаю. Это вы можете у Елены Цезаревны узнать, потому что второй машинисткой была Елена Цезаревна. И вот они сидели в этом маленьком домике... Холодно там было, хотя это май месяц был...

Н.Ф.: Там никакого отопления не было?

Н.Л.: Отопление самое примитивное — буржуйка.

Н.Ф.: Буржуйка все-таки была.

Н.Л.: Пока топишь — тепло.

Н.Ф.: Это можно было прогреть немножко.

Н.Л.: Да-да-да. Они в четыре руки печатали, Наталья Алексеевна все это фотографировала, а мы считывали.

Н.Ф.: Вот вы сказали на нашей встрече недавней, что вы считывали в Москве и потом обратно привозили...

Н.Л.: Иногда я забирала... Нет, ничего назад не возили.

Н.Ф.: А Наталья Алексеевна копии снимала.

Н.Л.: Сейчас не помню чистую «технику», не помню, куда мы потом девали эти тексты.

Н.Ф.: То есть вы у себя их не хранили.

Н.Л.: Нет... Было правило: одно из двух — или ты хранишь, или кому-то даешь. В общем, мы никогда не хранили. У меня поэтому много нету, что должно было бы быть, потому что дома ничего не оставляли, все куда-то было приказано отвезти. И ездила я туда довольно часто, два раза в неделю точно. А может быть, я потом привозила им назад, чтобы Наталья Алексеевна печатала на фотографии. Не помню я сейчас, потому что тогда это было само собой разумеющимся: туда-сюда, туда-сюда. Когда в палате работала, в Книжной палате, я могла какой-то денек сократить в библиотеке, там строго было...

Н.Ф.: То есть все это время вечером вы туда приезжали?

Н.Л.: Да.

Н.Ф.: Понятно. А тогда были уже четыре копии перепечатаны.

Н.Л.: Да.

Н.Ф.: А вы перевезли потом их переплетать мужу Ольги Константиновны.

Н.Л.: Да-да-да. Они есть в этом самом, в «Теленке...».

Н.Ф.: Да-да, конечно, я их знаю благодаря «Теленку...». Да. И это, в общем, закончилось где-то в июне месяце.

Н.Л.: Я не помню точно, но это закончилось еще в летнее время, и вот тогда был единственный вечер, когда мы там собрались... Я там впервые увидела Наталью Ивановну Столярову и Александра Александровича Угримова.

Н.Ф.: А вот про них-то...

Н.Л.: А ничего...

Н.Ф.: Вы только тогда и встречались.

Н.Л.: Да, только тогда один раз и встретились. У него есть большие «Воспоминания», так что все, что...

Н.Ф.: У Угримова?

Н.Л.: У Угримова.

Н.Ф.: Они опубликованы?

Н.Л.: Опубликованы...

Н.Ф.: Вот этого я не знал.

Н.Л.: ...и есть в этом Фонде⁴.

⁴ См. Отдел устной истории НБ МГУ. Ед. хр. 663, 663а, 677.

Н.Ф.: А, а, и в Фонде есть!

Н.Л.: В Фонде они есть, так что это...

Н.Ф.: Понятно. Я не знал этого. Вскоре после этого началась работа над «Августом Четырнадцатого», и тут...

Н.Л.: А она параллельно шла.

Н.Ф.: Она параллельно шла.

Н.Л.: Она параллельно шла. Но эти книжки — это я делала в отпуск. Это было очень приятное чтение генерала Франсуа. Необыкновенный был человек. Француз был немецким генералом, возил с собой своего сына, чтобы тот каждый день все записывал. И потом сам издал...

Н.Ф.: По записям сына.

Н.Л.: Да-да.

Н.Ф.: Вообще сыном рисковал — все-таки война.

Н.Л.: Ну!

Н.Ф. (*Смеется.*): Ради воспоминаний!

Н.Л.: А вот вторая была очень интересная, но ее надо было переводить с английского — для меня это было не так просто, но у меня был хороший редактор, Милица Константиновна Савич. Вот это ее фотография есть. Она преподавала английский язык в Физтехе. Вот она превосходно знала английский, и поэтому она мне, говорю, была...

Н.Ф.: А вы полностью ее перевели или сделали выписки какие-то важные?

Н.Л.: Там почти все было важно, потому что, говорю, это были специальные... книга о взаимоотношениях большевиков и немецкого Генерального штаба.

Н.Ф.: А рукопись ваша сохранилась?

Н.Л.: Все, наверное, у Александра Исаевича, я ничего не храню.

Н.Ф.: А вы себе не оставили ничего? А то можно было бы издать.

Н.Л.: Легкомыслие.

Н.Ф.: Можно было бы издать.

Н.Л.: Наталья Дмитриевна, может быть, взяла и есть, потому что она должна была вывезти.

Н.Ф.: И поскольку это такая...

Н.Л.: А потом назад везти? Не знаю, никогда не спрашивала. А эти вот записки — не записки — документы Генерального штаба, это было очень интересно. Как он всегда старался остаться в стороне! Не он, не ему прямо... А Александр Исаевич что-то выписывал, что-то нашел себе...

Н.Ф.: Я еще читал, что Наталия Милиеина познакомилась с нужными людьми, свидетелями важными: с племянницей Починского, с родственницей генерала Свечина...

Н.Л.: Да. Это не родственник, а жена.

Н.Ф.: Даже жена его... была жива.

Н.Л.: Была жива. Что-то у меня от нее было. А вот этот вот — это от Иры Свечиной... Они вместе учились в Таганцевской гимназии в Питере, и она все завещала дочери своей одноклассницы в Ленинграде. И когда она умерла, эта Наталья Алексеевна — она тоже есть, ее фотография есть...

Н.Ф.: Где?

Н.Л.: В «Теленке...», Наталья Алексеевна Кручинина.

Н.Ф.: А, это дочка ее...

Н.Л.: Дочка ее другой приятельницы, которой это все было завещано. Но ей везти все это в Петербург было ни к чему, и многое, это я помню, очень значительная мебелина, досталась нам. Наталья Алексеевна Кручинина тоже что-то делала для Александра Исаевича. Потом сослуживица одного из Милиевных так называемых племянников — Валя Холодова, тоже ее фотография есть в «Теленке...»... Я давно ей не звонила, надо узнать, что с ней. Мне бы Андрей, наверное, сказал, если бы, не дай бог, она умерла уже. Она ездила в Тамбовскую область, возила какие-то лекарства то ли сестре Антонова, то ли еще кому-то. Несколько раз туда ездила.

Н.Ф.: А вот в прошлый...

Н.Л.: Ваш коллега, биолог тоже, биохимик, она в институте у... Как его, Курчатов, что ли...

Н.Ф.: Энгельгардта? Курчатовский институт? Там есть, да...

Н.Л.: Нет-нет, она работала в биохимии...

Н.Ф.: А там есть отдел биохимический, в Курчатовском, вы, может быть, и не ошиблись.

Н.Л.: Ну не знаю. В общем, она там...

Н.Ф.: Это Холодова.

Н.Л.: Холодова, да.

История с архивом Крюкова

Н.Ф.: Интересно. Что-то я сбился, какой-то у меня был вопрос еще. Да, тоже есть некоторое разночтение: у Александра Исаевича сказано, что через Наталью Милиевну он обнаружил... архив Крюкова...

Н.Л.: Да, через Наталью Алексеевну Кручинину.

Н.Ф.: У Зои Томашевской я прочел, что вроде как-то через них, через Томашевских это нашлось.

Н.Л.: Я точно знаю, что это было через...

Н.Ф.: И якобы там была тетрадка, которую никто не видел.

Н.Л.: И она все время сулила, сулила, сулила, как ее звали, Мария Акимовна, по-моему — знаете, как морковку перед лошадьёю или перед ишаком держат, чтобы он шел, — вот так она водила за нос с этой тетрадкой: то ли она была, то ли ее не было.

Н.Ф.: Потому что, вообще-то говоря...

Н.Л.: Жила она где-то в Детском Селе, по-моему, вот туда Наташа ездила несколько раз. А Наташа врач, и она пользовала эту Марию Акимовну как врач. Вот она и так и этак... Что-то скажет, а чего-то не скажет: «Не сейчас, нет, не сейчас, через неделю... через месяц»...

Н.Ф.: В общем, какая-то темная история все-таки с этой тетрадкой.

Н.Л.: Так ее никто и не видел. Я думаю, это «липа» какая-то была. А весь архив, я сейчас не буду врать...

Н.Ф.: Да, там история архива рассказана. Только меня удивило, что в это время, когда все фотографировали, почему же тетрадку-то не пересняли. То есть ее никто так и не [увидел]...

Н.Л.: Ну это, говорю, какая-то темная личность была. Это я уже боюсь вам сказать.

Может, Наташа вспомнит, как это было, потому что она этим ведала, она помоложе меня и еще работает по сию пору, выйдя на пенсию, так что она что-нибудь может рассказать.

Н.Ф.: А она в Питере живет?

Н.Л.: Она в Питере живет, да.

Н.Ф.: Да, это интересно. И вот как-то тоже был очень большой интерес к Тамбовскому восстанию — многие туда ездили...

Н.Л.: Да.

О солженицынских «узлах»

Н.Ф.: Я не знаю, куда вошли главы по Тамбовскому восстанию.

Н.Л.: А куда не вошли.

Н.Ф.: Так и не вошли?

Н.Л.: Он же не дописал... Он собирался дальше писать, а потом увидел, что уже все, что больше не осилит. Этот... благодарил, кто был там, так сказать, действующим лицом. И Воротынцев должен был существовать там... Воротынцев говорит, что какая-

то цыганка ему напорочила, что он умрет военной смертью в 1945-м или в 1946 году, так что он думал «тянуть» Воротынцева аж до 1945 года. Вернее, он и «дотянул» его, в этих пьесах... Уже 1945 год, совершенно ясно, что он кончит именно так.

Н.Ф.: Понятно. То есть этот кусок... этот узел так и оказался незавершенным.

Н.Л.: Да-да. Он просто не... В какое-то время он увидел, что дальше он не сможет написать, и тогда дал обзоры глав. Он дал там краткие обзоры глав, где что должно было быть.

Н.Ф.: А какую роль во всем этом, в подготовке «узлов» играл Шмаров?

Н.Л.: А у Шмарова надо было... Во-первых, он был офицером, по-моему, 3-го Нарвского полка, а у Александра Исаевича как раз этот полк в «Августе...» фигурировал... Александру Исаевичу было очень интересно познакомиться с человеком, который там был, живой свидетель. Но у того уже все перегорело о первой войне, он занимался геральдикой и сбором портретов — у него много портретов было. И они до сих пор есть, ему специальную квартиру дали где-то на Гоголевском бульваре или что-то в этом роде — уже не ему, а его дочке, где могли сохраниться все эти материалы. И я думаю, что если он вам интересен и вы хотите копнуть, дочка его, наверное... Адрес его, во всяком случае, думаю, есть в Музее Пушкина, на Пречистенке, потому что он с ними был близко связан... А про Нарвский полк... Александр Исаевич говорил: «Вот, не вышло». Точно так же, как он зря съездил в Малоярославец. Там был человек, который долгое время был на Колыме. Это сейчас уже много людей оттуда, особенно женщин, а там был мужчина, который... они вместе были, муж и жена. Вот, они были на Колыме...

Н.Ф.: А как фамилия, не помните?

Н.Л.: Ой, нет, не помню. Я даже не помню — я просто и не знала его фамилию. Я знала его жену, а его я уже и не застала. А жена его существовала у нас под именем Тека, это была...

Н.Ф.: Тека?

Н.Л.: Тека, да. Это была тетка Милицы Константиновны, портрет которой у меня здесь есть и которая мне помогала с английскими текстами. Вот, тоже всю жизнь...

Н.Ф.: То есть она приезжала оттуда в Москву и у вас бывала?

Н.Л.: Нет. Она... Мы туда ездили.

Н.Ф.: Она пожилая была.

Н.Л.: Да, она колымчанка. Но я с ней познакомилась уже тогда, когда ее мужа не было в живых.

Н.Ф.: Как... Но она ж в «Свидетелях...», наверное, есть?

Н.Л.: Нет.

Н.Ф.: Нет?

Н.Л.: Думаю, что нет. Я... Ведь это все тянулось очень долго, так что, очень может быть, что это знакомство уже было в 70-х годах, когда уже «Архипелаг...» был вроде бы закончен. Материалы продолжали идти к нему, но уже активной работы не было. Хотя он и в Вермонте еще дополнял «Архипелаг...».

Проблема с источниками в библиотеках

Н.Ф.: Да, понятно. Но тогда очень... Я, правда, может быть, не очень понимаю библиотечную ситуацию тех лет, я так понял, что никакими материалами иностранными «Архипелаг ГУЛАГ» на первых порах, то есть пока он здесь готовился, не дополнялся.

Н.Л.: Нет-нет-нет.

Н.Ф.: То есть не было идеи, что... Потому что, вообще-то, есть интереснейшие воспоминания на языках, того же Мальсагова, например...

Н.Л.: Да, я знаю. Мало того, когда я занялась уже библиографией Александра Исаевича, я собирала только русские материалы, потому что очень быстро поняла, что надо как-то себя ограничить. Мне все равно недоступны...

Н.Ф.: Многие языки, да?

Н.Л.: Не языки!

Н.Ф.: Источники.

Н.Л.: Языки — с этим я умею справляться, а иностранные источники. Где можно взять сведения о каких-нибудь газетах или журналах, выходящих где-то в Аргентине, — в Аргентине много русских изданий было — или еще где-то. «Аделаида» эта самая в Австралии. У нас «Русской мысли» в Ленинке не было. Я не знаю, теперь-то, может, они дополнили... Им же что доставалось? Они выписывать не могли, они получали только то, что конфисковали в таможне. Это все отрывки. Это позорище совершенно невероятное! Этим я занималась уже очень упорно, особенно когда вышла на пенсию.

Н.Ф.: Это уже когда существовал Фонд...

Н.Л.: Когда уже выпустили спецхран. Вот тогда обнаружилось, что некоторых газет нету ни у нас, ни в стране нет! Лучше всего

в ИНИОНе, потому что это академическое учреждение было, и у них меньше изымали. А в Ленинке позорные какие-то лакуны.

Н.Ф.: Да-да, понятно. А потом, знаете, я хотел... Момент отъезда, когда уже выслали Александра Исаевича. Вы помните вообще, как это было?..

Н.Л.: Ну как было? Это все подробнейшим образом описано. Я же там не присутствовала и не была. Я вам скажу: после того как он женился на Наталье Дмитриевне... До того, здесь, мы были очень тесно связаны. Он часто к нам приходил. Тогда мы очень близко работали. А когда появилась Наталья Дмитриевна, очень многое перешло на нее и ее окружение, то есть если надо что-то отнести, принести, считать или еще что-то — все эти работы... Тем более что «Архипелаг...» уже кончился, а «Августа...», текста, тогда еще не было, так что это уже после моей эры.

Н.Ф.: То есть вы как бы отошли в сторону до некоторой степени с Наталией Милиевной?

Н.Л.: А Наталия Милиевна — она же в 75-м году, в январе, умерла.

Н.Ф.: Это уже после отъезда все-таки.

Н.Л.: Да, через год после отъезда. Я пожалела, что я не сказала о том, что когда первый том «Архипелага...» пришел из Парижа, Александр Исаевич, даже не раскрывая его, приехал к нам. И там было хорошо. Там же все ее фотографии! Фотографии расстрелянных — это все из Мильнинова архива. Все близкие ей люди... И следователь, когда меня вызвали — после высылки Александра Исаевича всех тягали...

О допросах после высылки Солженицына

Н.Ф.: В общем, они как-то круг вычислили к этому моменту уже.

Н.Л.: Да, они...

Н.Ф.: Вы-то и не особенно таились тогда, потому что жили вместе на даче.

Н.Л.: Ну да, так что уж куда денешься. Они: «А Аничкова всех своих родных туда всунула!»

Н.Ф.: А что за следователь был?

Н.Л.: А пес его знает, я даже...

Н.Ф.: А что его интересовало, что он спрашивал?

Н.Л.: Ой, это такая... Вот тоже, такое позорище для наших таких-сяких органов! Сначала, значит, он про Александра Исаевича, что я там делала. И я в дурочку играла (*посмеивается*)... чуть не сказала, что воду носила, печку топила у Ростроповича. (*Смеются.*) Могли бы они это все уже знать, если они так хорошо следили, если бы они этих самых «жуков» ставили и прочее. Ничегошеньки, им наплевать было, помимо службы...

Н.Ф.: Служба идет...

Н.Л.: Да.

Н.Ф.: ...зарплата тоже.

Н.Л.: Да, зарплата идет, и все — отслужил от и до и пошел себе домой с большой зарплатой.

Н.Ф.: Но про следователей говорят, что были очень такие... те, которые там раскалывали... Тот же Суперфин в этом фильме...

Н.Л.: Сколько они времени над ним мучились! Это без конца! И он такой... Вы знакомы с ним или нет?

Н.Ф.: Я по переписке только.

Н.Л.: Только по переписке. Маленький, худенький, слабенький! Как он там, в этой самой в ссылке... Тоже вот такая подлость: они же его поставили ассенизатором, он там бочку возил. Ой...

Г. Суперфин. Фото из архива Н.Г. Левитской

Н.Ф.: Он ссылку получил, не лагерь, да, в результате?

Н.Л.: Да-да, он в ссылке был. Но, вы знаете, что...

Н.Ф.: Нет, в лагере он тоже был.

Н.Л.: Наверное, был, я не помню, но знаю, что в ссылке он в Казахстане был и даже женился там. Дочка у него была, здесь осталась... А тут! Ну что они меня спрашивали? Правда, он меня знал... Когда я пришла, вхожу в дверь...

Н.Ф.: Это вызвали по повестке, да?

Н.Л.: Вот, дурная, не отказалась сразу. Правда, потянула сутки, в тот же день не побежала, а на следующий день всем рассказала, что завтра иду туда-то. Был такой Валерий Агриколянский, он мне очень помог, сказал, как себя с ними вести, с подлецами такими-сякими. И когда я вошла в эту большую комнату на Кузнецком. Он сразу же встал: знает меня. Ну хорошо, довел, привел меня туда. Там сидели два хмыря, молодых таких, разбитных. И вот, начали... Сначала про Александра Исаевича спрашивали, про житье у Ростроповича. Это особенно их: «И чего вы туда пошли?» А я его спрашиваю: «А вы... у вас отдельная квартира?» Он немножко опешил и говорит: «Отдельная». — «Ну вот, а я, — говорю, — живу в коммуналке. Мария Ивановна, которая на рынке всю жизнь работала, а в другой комнате санитарка Нинка, которая пьет горькую и ползает потом в одной рубашке на четвереньках по квартире. Вот и поехала, когда мне предложили квартиру с ванной, фонтаном и садом и с чем хочешь».

Н.Ф.: То есть они как бы начали спрашивать только с Ростроповича, получается.

Н.Л.: Да-да-да-да... А потом все, кончили об Александре Исаевиче, перекинулись на Лидию Корнеевну, потому что вот это они уже уследили. Да это... уже не скрывалось, что мы с Люшей знакомы. И про Лидию Корнеевну — предложили мне сотрудничество, что они мне будут билетки в театр давать! Я говорю: «Если бы вы на копейку последили бы за мной, вы знали бы, что я в театр хожу раз в год, а то и в два года „по обещанию“, когда мне дармовой билет дадут». Все что угодно, в чем угодно виновата, но никогда не была театралом. Да, еще одно! «Не могли бы вы повлиять на Лидию Корнеевну, чтобы она таких пакостей не писала, как она пишет?» *(Смеется.)* Ну идиотизм! Надо хоть на копейку знать Лидию Корнеевну, чтобы понять, что не только я — вообще никто на нее влиять не может. Не из того материала сделан человек.

Н.Ф.: Это какой же год был?

Н.Л.: Это сразу после высылки...

Н.Ф.: То есть 74-й.

Н.Л.: 74-й, лето 74-го года. Многих вызывали, всех, кто последнее время вокруг Александра Исаевича — всех вызывали. И все поползли. Одна Люша сказала: «Не пойду. Пришлите, по какому делу и в качестве кого вы меня вызываете». Они завертелись, туды-сюды, туды-сюды — ничего не прислали. Она и не пошла.

Н.Ф.: Да, здорово, понятно. А вы как-то... У Александра Исаевича сказано, что вы не могли прийти к ним, когда они уезжали, и что вы им позвонили...

Н.Л.: Это провожать. Провожать я не пошла и даже в голову мне это не пришло, потому что мне надо было бы отпрашиваться с работы... В общем, это было совершенно для меня невозможно. Елена Цезаревна была в какой-то мере защищена именем. Все-таки это не булавка в сене. Внучка Чуковского, причем достаточно известная, дочка Лидии Корнеевны. В общем... А меня они могли загрести безо всякого. Силов у них уже не хватило, это не <нрзб>, он бы не постеснялся никого.

” После того как появилась вторая семья, и там свои интересы, и все, уже не было такой настоятельной нужды в чем-то помогать. У Али, у Натальи Дмитриевны, было свое окружение, свои помощники...

«Новая сеть»

Н.Л.: В общем, для всякой такой работы, которую мог сделать не он, а кто-то другой, у нее были всегда такие помощники.

Н.Ф.: Да, это даже названо «новая сеть».

Н.Л.: Может быть.

Н.Ф.: Да-да-да, в «Теленке...».

Н.Л.: Да-да, может быть, я не знаю. Во всяком случае, как-то уже связи... ослабели. Приходил Александр Исаевич, но, говорю, это было уже не обязательно и не так часто и не так настоятельно.

Н.Ф.: То есть это были просто визиты, это не было...

Н.Л.: Такого никогда не было, просто визитов никогда не было. Какие-то дела были, если были нужны дела, он приходил, но это...

Н.Ф.: За исключением все-таки, когда он пришел к вам с сигналом, распечатал его в вашем присутствии.

Н.Л.: Да-да-да.

Н.Ф.: Можно сказать, что это был все-таки такой...

Н.Л.: Это жест был.

Н.Ф.: ...жест, да.

Н.Л.: А потом, значит, они остались одни, через месяц после выхода его арестовали. И там была не толченая труба народу. Там уже приходили навалом, все кто угодно приходили туда, помогать, не помогать — не знаю, что. Понимали, что надо будет уезжать, надо как-то сортировать вещи. Люша тоже не любила это окружение. Она приходила туда, запиралась в маленькую комнату, делала те дела, которые она должна была делать и... так, к этой публике... Не ее стилия была публика.

Н.Ф.: Вообще-то, по-моему, судя по описанию, симпатичные люди.

Н.Л.: Они симпатичные... Там главный был Саша Гинзбург, Алик Гинзбург. Но...

” Это были диссиденты, а ни я, ни Люша никогда в диссидентах себя не числили.

Н.Л.: И просто компаний... с чаем, с водкой, с коньяком — с чем хотите — не было.

Н.Ф.: Александр Исаевич совершенно... это же не его стиль.

Н.Л.: Нет!

Н.Ф.: Коньяк и водка, и посиделки до ночи...

Н.Л.: Нет-нет! Но диссиденты...

Н.Ф.: Это было, я даже не очень верю.

Н.Л.: Ну не знаю, но я слышала очень много, у меня работала мать Оли Иоффе, которая потом...

Н.Ф.: В Фонде у вас, да?

Н.Л.: Нет. Когда я работала в библиотеке. Оля Иоффе — теперь она в Париже, — но она прошла через психушки, через всякие... Я была у нее в Париже, меня просили бывшие знакомые. Вот человек, который совершенно от нас отошел.

Н.Ф.: Ну что ж.

Н.Л.: И от этого диссидентства, и ото всего...

Н.Ф.: И от России вообще.

Н.Л.: И от России. Сейчас не помню, Райская, что ли, в католичество там всех перевела. И она, эта Ольга, стала католичкой. По-моему, она вообще никакой христианкой не была. Но Господь с ней. И когда я второй раз была в Париже, я уже к ней не пошла. Я видела, что она выполняет, так сказать, обязанность: кто-то приехал из Москвы...

Н.Ф.: Надо принять.

Н.Л.: Я была у нее в «Русской мысли», да... Ну вот, и я, говорю, как-то отошла от них.

Н.Ф.: А что же за история, которую я знаю из «Бодался теленок с дубом», что после смерти Наталии Милиежны вас Александр Исаевич приглашал приехать жить в Вермонт?

Н.Л.: У меня осталось, теперь, к сожалению, уже не подлинники, два замечательных письма, когда он приглашал меня туда. Я их тоже отдала Але. Но с Алей, с Натальей Дмитриевной, я в каких-то хороших отношениях стала, когда они вернулись. Ой, я что-то подвинула!

Н.Ф.: Нет-нет, ничего, нормально.

Н.Л.: Когда они вернулись — тогда уже здесь, в Фонде... А до того — и этот сумбур, толчея, много народу — это не мой стиль... Мне там делать было нечего. Люша не позвала, Аля не позвала, а сама я туда не ходила. Но когда их высылали... Сначала, когда Александра Исаевича выслали, конечно, я туда позвонила. Позвонила из уличного автомата. Помню, шли мы с обеда. Я тогда работала в Библиотеке иностранной литературы, это был 74-й, уже в новом здании, мы ходили обедать в какую-то столовую, я уже не помню.

Н.Ф.: То есть днем, в обеденный перерыв.

Н.Л.: Да, в обеденный перерыв. Из автомата около Медицинской академии, это помпезное такое здание на Солянке, оттуда я позвонила. Я слышала ее голос, такой плачущий, который говорит: «Пока он сам мне не позвонит — ничего не знаю! Ничего не знаю, не знаю. Говорят, летит, но куда, как — ничего не знаю. Когда сам позвонит, тогда будет известно».

Н.Ф.: Это в тот самый момент, когда арестовали, на следующий день...

Н.Л.: На следующий день после того как уже сказали, что выслали, но куда — неизвестно же. И он не знал, откуда не увидал Франкфурт-на-Майне... И потом, когда они уезжали, там были все тоже мне неизвестные люди. Это было окружение Александра Исаевича уже вокруг Наталии Дмитриевны... Я с ними не была связана. Люша ведь тоже не была там.

Н.Ф.: Знаете, в «Бодался теленок с дубом» мне этот момент показался непонятным, потому что там сказано, что вроде как из-за страха потерять работу...

Н.Л.: Нет... у меня даже в мыслях...

Н.Ф.: ...Надежда Григорьевна позвонила, не назвалась...

Н.Л.: А не надо было называться.

Н.Ф.: Ну и, конечно, вас узнали. Но вы ведь жили фактически одной семьей у Ростроповича. Ваша связь с Солженицыным была абсолютно им известна — так чего тут бояться?

Н.М. Аничкова на даче у Ростроповича. Жуковка, зима 1970/1971 гг. Фото из архива Н.Г. Левитской

Н.Л.: Да не бояться...

Н.Ф.: Не в боязни...

Н.Л.: Я говорю, не было тут душевной связи с теми, кто уезжал. Тем более знала, что там столько всего!.. И у нее столько страхов! Ведь они же что сделали: они же из одного аэропорта перетащили в другой аэропорт, чтобы все затруднить. Не знаю, тогда у меня, говорю, даже не было вопроса.

Н.Ф.: Да, понятно, понятно. Уже 1989 год — даже я был этому свидетель — «Новый мир». Вообще-то, мне казалось, то, что вы рассказывали...

Н.Л.: Встречать Наталью Дмитриевну я тогда поехала, даже в газету попала.

Н.Ф.: Да? (*Смеются.*) В аэропорту?

Н.Л.: В аэропорту, да.

Н.Ф.: Это, по-моему, 94-й...

Н.Л.: С Кублановским. Кублановский был из старых и я, больше никого там и не было, остальные все были новые.

Н.Ф.: А с Кублановским вы были знакомы до...

Н.Л.: Нет. Нет.

Н.Ф.: Мне казалось, что круг общения Александра Исаевича последние годы перед высылкой — это был круг «из-под глыб».

Н.Л.: Может быть, да.

Н.Ф.: Не то, что такая диссидентская богема...

Н.Л.: Никогда не была! И он никогда не был.

Н.Ф.: Это не похоже на то, что вы рассказываете.

Н.Л.: Абсолютно нет. А когда он уехал...

Н.Ф.: Там все собрались в качестве поддержки.

Н.Л.: Да-да. Но ведь действительно надо было... Я не знаю, как там складывалось все. Я знаю, что какую-то часть архива увезла Наталья Дмитриевна в какие-то посольства...

Н.Ф.: Да-да, это все рассказано подробно.

Н.Л.: Это все рассказано. Это тоже меня никак не касалось, потому что здесь я ничем помочь не могла. Так что... Ну не знаю, так было.

Письма Солженицыну в «Новый мир»

Н.Ф.: Меня к вам тогда отправил Вадим Борисов. И как-то вы с ним тогда сотрудничали. Вообще-то, он...

Н.Л.: А потому, что в «Новый мир» шли письма. Люша сказала на последнем своем выступлении, что шли десятки писем... И они с ними ничего не делали, они с ними не работали. Эти письма лежали в больших мешках. И вот эти мешки...

Н.Ф.: Хорошо, что он не сказал, чтобы вы их обработали и мне показывали.

Н.Л.: А уже потом, когда я это увидела, у меня волосы дыбом встали: да что же это делается! Я знаю, что в Фонде Сахарова они лежат, может быть, по сию пору. Потому что там... У меня Лена-то, Лена Николаевна, она оттуда пришла, которая теперь в Фонде работает на моем месте.

Н.Ф.: А! Я как-то не познакомился с ними, я ее не знал. Там же есть архив отдельно, а Фонд отдельно.

Н.Л.: Это теперь, а с самого начала, когда еще Боннэр здесь была. Так что... Я и говорю, когда увидела — меня оторопь взяла: да как же так можно! Столько всего там накопилось! Первая моя работа в Фонде — это еще никакого Фонда не было — то, что я начала делать уже в преддверии возвращения — это были вот эти письма. Какие письма там интересные! Интереснейшие письма! Муниру вы знаете, да?

Н.Ф.: Что-что?

Н.Л.: Муниру⁵ вы знаете?

⁵ Мунира Мухаметджановна Уразова.

Н.Ф.: Да, я с ней знаком был через Фонд.

Н.Л.: А до того она работала в Охране памятников. И когда все там начало разваливаться, как во всех наших учреждениях, когда началась перестройка и прочее, та же Люша порекомендовала ее в Фонд, потому что тут надо было секретаря иметь, какую-то трубку телефонную, чтоб можно было с кем-то говорить. И тогда Люша мне посоветовала отдавать ей эти письма для перепечатки. И все эти письма она перепечатала. Именно все, до того времени, как мне...

Н.Ф.: «Новомирские» только вы имеете в виду?

Н.Л.: Те, что приходили в «Новый мир», других у меня не было. И... до того времени, как стали приходиться уже поздние письма, когда у нас вышло Собрание сочинений в бумажной обложке, которое обещали дешевое, хорошее, и что скоро выйдет, а оно вышло как раз в то время, когда тут все перевернулось, цены взлетели, качество мерзкое.

Н.Ф.: Я помню, в этих розовых обложечках.

Н.Л.: Да. И тогда была, помню как сейчас, вот такой толщины папка с возмущенными письмами. Вот это мы захлебнулись!

Н.Ф.: С возмущенными письмами от качества издания?

Н.Л.: От качества... от того, что оно задерживается, от того, что цена повысилась очень сильно...

Н.Ф.: Но его ж бесплатно распространяли.

Н.Л.: Бесплатно другое, это розовенькое.

Н.Ф.: А я про розовенькое говорю.

Н.Л.: Нет, а это серое...

Н.Ф.: Серое, да, оно первое которое.

Н.Л.: Серое и черное было. Они вроде бы одинаковые, но я помню, что что-то там было разное, и библиографически я их описывала отдельно. А то было позже немножко. Это было для заключенных, и это вышло как следует выйти. А последние — они так, по-моему, и лежат: не переписанные, не перепечатанные — сохраняются.

Н.Ф.: Да, я был, когда Елена Цезаревна упомянула два письма, и оба, можно сказать, стали моими друзьями... Я с ними переписывался до самой смерти того и другого.

Н.Л.: Там самые страшные письма были те, что пошли основой для так называемой «Мужичья чума» или «Мужичья...», где рассказывается о коллективизации. Женщина какая-то писала невероятные письма. Вернее, одно письмо-то и было, но очень... «Мужичья чума», оно так и называлось, по-моему, да.

Н.Ф.: Но это очень... Черепанова очень сильное письмо, но это уж потом, про Кенгир, из тех, что я знаю. Это уже он Фаине Николаевне...

Н.Л.: Фаине Николаевне писал.

Именной указатель к «Архипелагу...»

Н.Ф.: Я еще, знаете, хотел, заканчивая, посмотреть вместе с вами список «Свидетелей». Многие пришли через Наталию Милюевну, и вы, может быть, знаете, кто именно. У вас наверняка есть, спрятан где-то, аннотированный... не аннотированный, а с именованным указателем «Архипелаг...»...

Н.Л.: У меня есть Собрание сочинений новое вон там, наверху, его трудно доставать. А здесь первое издание. Я не знаю, есть ли в них.

Н.Ф.: А нет, в этих нет.

Н.Л.: В этих нет. Тогда надо лезть туда, наверх.

Н.Ф.: Надо лезть наверх? Если вы позволите, я залезу.

Н.Л.: Ну лезьте, только...

Н.Ф.: А там точно аннотировано, то есть с именованным указателем?

Н.Л.: Я не помню.

Н.Ф.: По-моему, нет, потому что это только первое издание было... Потому что «Архипелаг ГУЛАГ» в первых томах, правда?

Н.Л.: Нет, не в первых. В первых там рассказы, потом «В круге первом»...

Н.Ф.: Собрание сочинений вышло до уральского издания... 2007 год.

Н.Л.: Это я вам боюсь сказать.

Н.Ф.: Давайте сейчас проверим тогда, секундочку. С вашего позволения.

Н.Л.: Я пока посмотрю, что здесь.

Н.Ф.: А на этот стул можно встать, я не раздавлю?

Н.Л.: Лучше вон на тот. По-моему, тот...

Н.Ф.: Вот этот получше.

Н.Л.: Да, это самое первое.

Н.Ф.: Ой, а... они здесь... А, вот, вижу, вот он стоит.

Н.Л.: Вы снимите, там...

Н.Ф.: Нет, я аккуратненько.

Н.Л.: «Архипелаг...», да?

Н.Ф.: Да.

Н.Л.: А это последние. Вам надо первый, первый том.

Н.Ф.: Это указатель, а мне надо... (*Шум от падающих предметов.*) Ой-ой-ой, извините! Я ужасное сделал. Сейчас я соберу.

Н.Л.: Ай-ай, камушки какие-то! Это ерунда.

Н.Ф.: Сейчас я соберу. Такая коробочка.

Н.Л.: Бросьте, девчонки придут — подберут... Машка убежала.

Н.Ф.: Так. Это, наверное, Наталии Милюевны какие-то вещички...

Н.Л.: Нет, в начале тут нет. Могу сказать вам, что в начале тут нет, значит, это не здесь. Видите, первые — и тут сразу же текст начинается.

Н.Ф.: Нет-нет, есть, это тут напечатано немножко странно.

Н.Л.: А, во-во-во! Да. А вот это, между прочим, мое... Моя последняя инициатива... Они выкинули... Я же сделала указатель, про который были препирательства с Александром Исаевичем. Я сделала именной указатель к «Архипелагу ГУЛАГ». Александр Исаевич говорил, что это никому не надо. «Если у вас такая фанаберия, можете делать». Милостиво разрешил. А нас на это «наткнуло» как-то такое задание: надо было найти упоминание о двух болгарских коммунистах, которые сидели. Танев и еще какой-то. И мы с Люшей буквально носами все на свете обсмотрели и так и не могли найти.

Н.Ф.: Юрасов, по-моему, вам помог потом тогда, да?

Н.Л.: Я уж не помню. И вот я начала делать это.

Н.Ф.: А, упоминание в «ГУЛАГе»?

Н.Л.: Да-да-да. Потом этот текст очень усовершенствовал Разумов, с которым мы познакомились. Но он... Я-то это делала, по-моему, в Австрии — когда я в Австрию стала ездить, я с собой брала маленький томик парижского издания, имковского и делала этот указатель. Это были 1980-е годы, что-нибудь в этом роде, когда еще никаких не было ни справочников, ни указателей... Я это делала, собственно, для себя и для Люши, потому что нам это нужно. У нас была... Нам надо было найти: имя, том, глава и страница — все, ничего больше мне не надо было. А когда делал Анатолий Яковлевич, это было уже сейчас, когда Александр Исаевич вернулся... Во-первых, он работает в Публичной библиотеке в Питере. У него все справочники —

вот, за спиной. Во-вторых, эти справочники вышли.

Н.Ф.: То есть вы указатель сделали еще до того, как он вернулся, то есть где-то...

Н.Л.: Да! Да, я это сделала, я говорю...

Н.Ф.: Но все равно это уже 1980-е годы были, когда вы ездили... Если вы говорите, что это связано с Австрией, с поездками в Австрию...

Н.Л.: Да-да-да. Во всяком случае, сделано, когда сделано — не знаю. Теперь это с указателем, все, как следует быть, но они там выкинули одно имя — имя Солженицына. Я не знаю, я на эту тему с Александром Исаевичем не говорила. И сделала себе сама вот такой списочек...

Н.Ф.: Ух ты!

Н.Л.: Причем здесь я уже расшифровала все на свете...

Н.Ф.: Замечательно!

Н.Л.: ...так что...

Н.Ф.: Замечательно.

Н.Л.: Очень интересно, где он говорит о себе. Так же, как...

Н.Ф.: Интересно, что я не обратил на это внимание, кстати. Я очень часто пользуюсь указателем, но не обратил на это внимание! Очень интересно.

Н.Л.: Вот, имейте в виду. Так вот, когда Александр Исаевич счел это нужным, привлек Разумова. И тот, у себя сидя, имея очень большой справочный аппарат под руками, на каждое имя написал еще аннотацию: кто есть кто. Мне нужно было написать, что он зек или что он вохровец, а больше мне неважно было. А тут, когда я работала уже в этом Фонде, два человека пришли в Фонд и принесли готовый указатель.

Н.Ф.: Разный, независимый.

Н.Л.: Абсолютно независимый! Причем какие-то инженеры.

Н.Ф.: Просто нужно...

Н.Л.: Нужно! Тогда Александр Исаевич понял, что это нужно не только мне по моей какой-то дамской прихоти. А у него часто бывали такие закидоны, которые мы с Люшей преодолевали сами. (*Смеются.*) Ну вот, и тогда стал делать Разумов... Он жил тогда в Троице-Лыкове, и он справлялся у Александра Исаевича, то есть это был высший пилотаж — то, что он сделал. Но для меня важно было то, что мы тогда сделали, и это уже было хорошо. Так, это... да, это <нрзб>.

Н.Ф.: Ну вот: Александрова Мария Борисовна, Алексеев Иван, Алексеев Иван Николаевич, Аничкова Наталия Милиевна, о которой мы много говорили. Бабич Александр Павлович, Бакст Михаил Абрамович, Баранов Александр Иванович. А Баранов — это не тот?.. Нет, тот Барабанов, кто участвовал в...

Н.Л.: Да, Барабанов...

Н.Ф.: Да. Баранóвич Марина Казимировна, или Барáнович, Безродный Вячеслав, Бединов Аркадий Викторович, Бернштейн Анс Фрицевич — это корреспондент, Борисов Авенир Петрович, Братчиков Андрей Семенович... Может быть, это долго так будет все читать?

Н.Л.: Вот это Вельяминов...

Н.Ф.: Вельяминов, да.

Н.Л.: ...о котором я говорила. Он Воронцов-Вельяминов. Ему все равно было — записали где-то «Вельяминов», так он и остался Вельяминов.

Н.Ф.: А здесь он почему-то только...

Н.Л.: Сергей Викторович.

Н.Ф.: Да, а это вы вместе с Наталией Милиевной к нему ходили, да?

Н.Л.: К кому?

Н.Ф.: К Воронцову.

Н.Л.: Он у нас бывал каждую неделю.

Н.Ф.: Да?

Н.Л.: Да. Это был любимый Сережа.

Н.Ф.: Любимый Сережа? Замечательно.

Н.Л.: Он был старше Наталии Милиевны. И когда он учился в кадетском корпусе в этом самом, в Питере, то приходил к тетушке, к Надежде Адриановне на выходные дни. А вся семья Наталии Милиевны жила в этом же доме. Наталия Милиевна была, по-моему, на десять лет его моложе, девчонка была, а он был кадет. А может... не буду врать, но во всяком случае...

Н.Ф.: Он как-то... как бы ухаживал за ней?

Н.Л.: Нет-нет-нет!

Н.Ф.: Это просто родственник.

Н.Л.: Родственник. Его приглашала Надежда Валерьяновна только потому, что он сирота был, родителей не было. В Питере его отпустят — а куда ему идти? А это был родственник ее мужа, Воронцова-Вельяминова... (*Рассматривает список.*) Это у него колымчанка, по-моему, Карасева, две сестры.

Н.Ф.: Это которым вы тоже...

Н.Л.: Нет-нет-нет. Это в Рязань я ездила... Сколько народа!

Н.Ф.: А вот Ольга Зверде. Это, видимо, через Столярову знакомство. Это бывшая чекистка, кстати, которая тоже отсидела.

Н.Л.: Да?

Н.Ф.: Но она в ЧК в бухгалтерии работала, что-то в этом роде... (*Пауза. Рассматривают.*)

Н.Л.: Вот Касьянов, мне даже интересно, только Александр написано, не композитор ли...

Смотрите, и Ларина Анна Михайловна тут...

Н.Ф.: Да. Вы с ней были знакомы, с Лариной?

Н.Л.: Нет. Я говорю, я знакома только с Люшей. Остальные — если их и видела, то это было так: увидела и забыла... Вот это, конечно, его знакомая, Мейке Ирина Емельяновна, с ней я была в переписке, но через Александра Исаевича. Она сейчас умерла, по-моему, где-то в Финляндии... А Осённая даже не включил.

Н.Ф.: Но это «Свидетели»... Осённых в «Невидимках»...

Н.Л.: А он вполне мог быть свидетелем, потому что он тоже сидел, и долго сидел. Но он очень на него тогда обозлился, несмотря на то что, когда они были в Ростове, Осённых их устраивал там, они там где-то через него остановились, он все равно на него сердился. Он тоже такой был... не благодный, не мягкий, а так, чуть что — сразу, о!

Н.Ф.: Мне кажется, что эта вот жизненная энергия огромная, она очень и привлекала людей. Кого-то, как Витковского, отпугивала, но все-таки и привлекала.

Н.Л.: Нет, Осённых тоже такой был.

Н.Ф.: А, это Осённых был такой!

Н.Л.: Да, Осённых, он тоже был... Он не давал на себя сесть.

Н.Ф.: Спуску не давал, понятно. Но о нем пишет в «Теленке...» очень хорошо, что хранил, несмотря на опасность, год, не сжег, а мы не знали, как сообщит. Очень хорошо о нем пишет!.. Но все-таки я не понимаю... лагерника, который бы отрицательно относился к «Одному дню Ивана Денисовича».

Н.Л.: Ой, есть такие.

Н.Ф.: Только что: «недостаточно, этого еще мало, продолжайте!» Но что это вообще куда не годится — так нельзя!

Н.Л.: Нет...

Н.Ф.: Все же были...

Н.Л.: Почему, почему какого-то мужика!..

Н.Ф.: А, меня одного, любимого?.. (*Смеются.*)

Н.Л.: Да нет, никого здесь нет, все он сам находил. Стадников... что-то он у меня отмечен... Вот этот Стотик — это мой знакомый.

Н.Ф.: Это кто такой?

Н.Л.: О Господи! Он, между прочим, тоже биолог, вернее, он кончал какой-то сельскохозяйственный институт. Чудик! Его посадили во время войны за то, что он в окопах изучал то ли немецкий, то ли английский. Поди докажи, что ты не хочешь перебежать. А он был вообще чуть-чуть чокнутый на языках. Он знал действительно много языков. Его сослали в Сибирь, недалеко от Красноярска. И там он местному оперу буквально плешь проел, чтоб тот отпустил его сдавать экзамены в институт. И в конце концов он сдал экзамены... Наверное, заочно кончал и кончил институт. Но тоже со всякими... Как он ехал в этот Красноярск, в институт, и пешком, и еще невесть как. Сдал, кончил, потом опять сел. А мы с ним так же... Через Кизи и через все, много знакомых я привезла из наших путешествий. Вот и Юрочку тоже. В общем, я с ним познакомилась через свою сослуживицу, а она с ним вместе ехала на пароходе из Вытегры в Кизи. И потом как-то он к нам прибился, самоотверженно мог все на свете куда угодно отвезти, отнести, все сделать.

Н.Ф.: Он в Москве жил в это время, да?

Н.Л.: Да, уже жил в Москве, что-то снимал. Он такой, знаете, бывает: ну не получается. Он хочет своей прямой дорогой идти, и его отвлекут то на женитьбу, то еще на что-то, а он все равно прет дальше. Кончил он беспутно: его нашли убитым на какой-то подмосковной станции... Интересный был человек, много знал, много видел, все запомнил, а я даже не знаю, как с Александром Исаевичем — я не помню, чтоб я его сводила. Может, Милюева его свела... Саша Стотик, царствие

небесное. Нет, ничего, к сожалению, не найдете... Тимофеев-Ресовский... Храбровицкий — это тоже наш, это вы знаете... А вот Эфроимсон, у нас работал в библиотеке... замечательный. Тоже такой человек...

Н.Ф.: Очень яркий, да?

Н.Л.: Нет! В конце концов ему дали комнату или квартиру в Москве. Поставили телефон, но телефон был какой-то дефектный: он мог звонить, а ему никак не могли звонить. Ему говорят: «Позвоните на станцию, исправят бесплатно!» — «А зачем, мне так очень удобно. *(Смеется.)* Кто мне нужен — я позвоню». Я помню, как в 1966 году, когда была опубликована расшифровка ДНК, мы шли на обед, а он шел с обеда — он у нас работал в научно-библиографическом отделе, и он так, подняв руки, бежал мне навстречу и говорил: «Открытие!..» *(Смеется.)*

Н.Ф.: Потрясающе. Но я... У Александра Исаевича практически очень мало про забастовку на руднике Джесказган, в поддержку Кенгира. А Эфроимсон там составлял требования к правительству. Ему как самому умному доверили писать требования... *(Н.Л. смеется.)* И это известный факт. Пятигорский его племянник тоже это знал, что Эфроимсон — составитель требования к правительству. Но почему-то он не захотел увековечить себя в «Архипелаге...» таким образом.

Н.Л.: А тут написано, что он есть, Эфроимсон.

Н.Ф.: Нет, он есть в этом эпизоде как раз. Да, вот...

Н.Л.: Владимир Павлович... А все-таки в Библиотеке иностранной литературы никто не возьмется написать, какой был «странноприимный дом» для всех этих обездоленных, не реабилитированных...

Н.Ф.: Это вам надо написать.

Н.Л.: Так вы же видите, я все забываю.

Н.Ф.: Как это! Мы в четвертый раз записываем!

Н.Л.: Но это так, байки.

Н.Ф.: Но так байки и запишите.

Н.Л.: Нет-нет, надо знать... Там надо посмотреть просто в отделе кадров. Я не знаю, кто там сейчас сидит, но всегда паскудники какие-то сидят, хороший человек туда не пойдет.

Н.Ф.: Давайте все-таки, заканчивая о работе с Солженицыным, потому что вы работали и до его изгнания, и после его возвращения, а об Александре Исаевиче почти не говорили...

Н.Л.: Когда его изгнали и до того еще... Эти карточки, которые стоят в Фонде, там очень много карточек, написанных рукой Наталии Милиевны, — мы стали собирать все сведения о публикациях, касающихся Александра Исаевича. Сначала писали для себя, не имея в виду ничего большого. А потом все больше и больше... И у Наталии Милиевны тогда были вырезки из газет, она их аккуратненько подклеивала, надписывала. Все это до сих пор сохранилось там, в архиве фондовском. Уже Наталии Милиевны не стало, я это продолжала, но тогда Александра Исаевича выслали, вся эта... «плоносная» литература... Когда уже он стал возвращаться и они все стали перед ним на задних лапах, с каким удовольствием я их всех в эту карточечку свою включала, и все эти газеты... Мы с Люшей сделали огромные фотокопии, крупные, и все это выставляли постоянно где-то. Ой... И так жалко бывало: ну чего Товстоногов подписывал?! Зачем?!

Н.Ф.: Боялись.

Н.Л.: Чего уже?! Чего уже боялись? За театр?..

Н.Ф.: За театр боялись.

Н.Л.: Вот еще... Многие... Когда видишь фамилии обыкновенно уважаемых лиц под такими паскудными статьями — это ужасно! Это жалко. А когда вот такие... особенно Михалков, не теперешний, а...

Н.Ф.: А тогдашний, да.

Н.Л.: Папенька. Он же был тогда секретарем Союза писателей: «Я ничего, все подписали, и я подписал». Он первый был, он застрельщик был! «Солженицын нам надоел», — писал он. И вот яблочко от яблоньки недалеко падает — такой же сынок. Вырастил. И второй сынок. А второй сынок, Кончаловский, он такой благообразный, такой хороший, такой порядочный, а в 1991 году, когда Ростропович сюда прилетел со своей этой виолончелью, тот сидел со всем скарбом, со всем семейством в аэропорту, дрожал мелкой дрожью, чтоб только улететь отсюда! Вся такая семейка была... Лучше всего у Ростроповича, конечно, два раза мы там жили — это было очень хорошо. Александр Исаевич в маленьком домике, мы в большом домике. И тут я уже собирала все, что от него оставалось, не знаю, отдала я это или нет... *(Ищет.)* У меня где-то были собраны случайные бумажки, которые он... Вот это... второе письмо, почему-то первого нет...

Записочки Солженицына

Н.Ф.: Семнадцатого... утро... ноября 63-го.

Н.Л.: Второе... Я уже вижу, что это второе.

Н.Ф.: «Уважаемая Наталия Милиевна! Я тронут, спасибо, очень мило. Мы давно собираемся в Кижы и вообще на Север. И никак не соберемся. А Кижы-то берегут. А сколько, говорят, собираются разрушить в ближайшие годы в Карелии, снижают, снимают с государственной охраны. Всего доброго»... А что такое «Анхимушка-лебедь»? Это то, что сгорело, да?

Н.Л.: Да-да-да.

Н.Ф.: Вот это большое письмо, с которого, видимо, началась такая дружба уже, близкая. Десятого пятого 64-го. Значит, вы ездили туда весной, в мае? Или она сгорела в мае, эта «Анхимушка-лебедь»?

Н.Л.: Не знаю. Она сгорела, по-моему, осенью.

Н.Ф.: Осенью. Но, может быть, вы послали...А вот здесь проставлено: первое... Здесь номер стоит, и пронумерованы, видите...

Н.Л.: А, это первое, я и говорю: первое начиналось «Уважаемая Наталия Милиевна»... А второе уже «Дорогая...» (*Смеется*.)

Н.Ф.: «Милая Наталия Милиевна...»

Н.Л.: Или «милая», да.

Н.Ф.: Да-да-да. Это вот ноябрь 63-го, то есть до выхода еще, получается.

Н.Л.: До выхода чего?

Н.Ф.: Нет, когда вышел?..

Н.Л.: «Архипелаг...» вышел в 1973-м.

Н.Ф.: Нет, не «Архипелаг...», а «Один день Ивана Денисовича». В 1963-м.

Н.Л.: Нет, он в 1962-м, тоже одиннадцатом [месяце]...

Н.Ф.: В 1962-м, да-да-да, то есть это через год, получается.

Н.Л.: Вот это реликвия!

Н.Ф.: О! (*Н.Л. смеется*.) Все какое-то ветхое, я даже боюсь доставать.

Н.Л.: Это где-то с полу подобрано.

Н.Ф.: «Стива, изверг... изверг человечества...»

Н.Л.: Рода человеческого.

Н.Ф.: «...рода человеческого. Выхода нет, буди меня, надо». (*Смеется*.) Хорошая записочка.

Н.Л.: Ну да, а Стива бросил это.

Н.Ф.: Разбудил, надо надеяться...

Н.Л.: Да. (*Смеется*.)

Н.Ф.: Надо надеяться, что разбудил... А это что? Сейчас, как же она там... Может, он не закрывается. Вот, закрылся.

Н.Л.: Вот видите, такие забавные вещи, но они... самые интересные. Они как раз свидетельствуют о том, какие были взаимоотношения.

Н.Ф.: Ну да, как дружно жили вы, да. Здесь какая-то записочка: «А „Архипелаг...“ № 4, 5 — возражение».

Н.Л.: Не знаю, пускай будет... Милиевна что-то тут приписала, по какому поводу...

Н.Ф.: «Написано 14-го марта 1971-го, рано утром, так как, видимо... оставлено на кухне». В общем, где нашла. (*Н.Л. смеется*.) Трогательно.

Н.Л.: Ой, это о том, как жили. А это, наверное, просто сюда приклеено было.

Н.Ф.: Ну да, это ведь как раз в том году его выселили в присутствии Наталии Милиевны с...

Н.Л.: Не... Они приходили и просили, чтобы он уехал.

Н.Ф.: Да? А вот... «Присутствовала, когда милиция выселяла из Жуковки». Просто просили, говоря, что нельзя здесь оставаться?

Н.Л.: Да-да-да. Они боялись его.

Н.Ф.: Но это какая-то нужная бумажка, тут какие-то: «возражения»...

Н.Л.: А мы сюда наклеим.

Н.Ф.: Так.